

Яна
Жемойтелите

Хороша была Танюша

«Яна придумала этот мир и поселилась в нем, и вступила с ним в трудные, родственные отношения, и за их развитием читатель следит не в силах оторваться».

Александр Кабаков

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Интересное время

Яна Жемойтелите
Хороша была Танюша

«WebKniga»

2016–2017

Жемойтелите Я.

Хороша была Танюша / Я. Жемойтелите — «WebKniga», 2016–2017 — (Интересное время)

ISBN 978-5-9691-1794-5

Если и сравнивать с чем-то роман Яны Жемойтелите, то, наверное, с драматичным и умным телесериалом, в котором нет ни беспричинного смеха за кадром, ни фальшиво рыдающих дурочек. Зато есть закрученный самой жизнью (а она ох как это умеет!) сюжет, и есть героиня, в которую веришь и которую готов полюбить. Такие фильмы, в свою очередь, нередко сравнивают с хорошими книгами – они ведь и в самом деле по-настоящему литературны. Перед вами именно книга-кино, от которой читатель «не в силах оторваться» (Александр Кабаков). Удивительная, прекрасная, страшная история любви, рядом с которой непременно находится место и зависти, и ненависти, и ревности, и страху. И смерти, конечно. Но и светлой печали, и осознания того, что жизнь все равно бесконечна и замечательна, пока в ней есть такая любовь. Или хотя бы надежда на нее.

ISBN 978-5-9691-1794-5

© Жемойтелите Я., 2016–2017

© WebKniga, 2016–2017

Содержание

Александр Кабаков. Яна расскажет сказку	6
Часть первая. Tuska[1]	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Яна Жемойтелите

Хороша была Танюша

© Я. Жемойтелите, 2019

© «Время», 2019

* * *

Александр Кабаков. Яна расскажет сказку

Таких писателей много в Латинской Америке, их сочинения называются «магическим реализмом», сами они в общественной жизни тяготеют к коммунистам, поскольку тяготеть к СССР уже нереально. Там так себе с едой и жилищами, там нечего носить, но можно танцевать и без одежды. И магические реалисты придумали себе мир, где можно танцевать, заниматься любовью, наслаждаться буйной природой – и этот мир не предъявит полученное к оплате.

Этот прекрасный вымышленный мир, не реальный, но и не фантастический, придумывают авторы, и поселяются в нем, и там им хорошо – во всяком случае, тот мир приспособлен к его обитателям. Там, на Американском Юге, живет полковник Билл Фолкнер, в действительности сильно пьющий американский почтальон. Там мучается бесконечным одиночеством нобелиат Гарсиа Маркес, которому было бы еще хуже на реальном Юге. Там, на почти необитаемых островах, мается неопределенностью Волшебник Тома Вулфа...

Где-то там же терзается придуманной ею же реальностью Яна Жемойтелите, придумавшая свою Карелию. С сумрачным Городом и угрюмой Деревней, с бурным Озером и непреодолимым Лесом... Она придумала этот мир и поселилась в нем, и вступила с ним в трудные, родственные отношения, и за этими отношениями, их развитием читатель следит, не в силах оторваться.

Часть первая. Tuska¹

Хороша была Танюша...
С. Есенин

1982

Нет, вот откуда исходила эта беспричинная радость предзимья, раннего снега, укутавшего палисадники рабочей слободки? Багрянец бузины, тронутый инеем, перекликался с кумачовыми лозунгами, которыми силикатный завод во множестве украсил заборы: «Решения XXVI съезда КПСС поддерживаем и одобряем!», «Наш труд – тебе, Родина!», «Выше знамя коммунистического труда!». Когда Танюшка была маленькой, она даже немного гордилась, что ее мама работает на силикатном заводе, а значит, участвует в большом и серьезном деле строительства коммунизма. Тем более что на заводе делали кирпичи – основной строительный материал. Потом, когда чуть-чуть подросла, уже, конечно, не думала ни о чем таком, да и коммунизм все откладывался на неопределенное будущее, и мамины руки, которые могли и приласкать, и дать затрещину, состарились на заводе быстрее мамы. Мама еще крутила по праздникам бигуди и делала высокую взбитую прическу вместо обычного пучка, красила губы и наряжалась в вечный кримпленовый костюм, но кожа на руках стала дряблой, как старые разношенные перчатки, выдавая секрет, что мама вовсе не модница, а уставшая от работы и семейных хлопот женщина, которой вся ее жизнь казалась долгим путешествием в плацкартном вагоне. Попутчики пили водку, ругались матом, задабривая конфетками троих ее орущих детей. Это путешествие надо было перетерпеть, чтобы когда-нибудь прибыть в пункт назначения. В коммунизм?

Танюшка впервые удивилась маминым рукам, когда старшая сестра Катя выходила замуж. У них в роду все выходило замуж очень рано и все по большой любви, в том числе мама, которая сразу после школы пришла на завод и тут же влюбилась в инженера. И вроде бы они неплохо жили целых десять лет, а потом папа поехал в командировку в Пермь и там нашел себе инженершу. Отца Танюшка помнила плохо. Да и ну его вовсе. Зряшный он человек, если променял хорошую, добрую маму на чужую инженершу. Хотя говорили и так, что отец просто не выдержал житухи в частном доме с печным отоплением и колонкой через улицу. В очередь на квартиру их не ставили, вроде бы и так жилплощадь была обширной, а что с дровами, так зато никакие морозы не страшны... У инженерши в Перми были отдельная квартира, машина, ну и прочее что там входило в набор жизненных благ. Он до сих пор платил алименты, правда теперь только на самую младшую дочь Настю, которая училась в девятом классе. Танюшке осенью исполнилось восемнадцать, а Кате было уже двадцать.

Так вот, когда прошлой весной мама с Танюшкой лепили пирожки к Каткиной свадьбе, Танюшка вдруг будто заново увидела мамины руки, ловко катавшие тесто, – какие они смуглые, морщинистые, с кряжистыми сучковатыми пальцами... «Мама», – невольно вырвалось у Танюшки. «Что, моя красавица?» – мама легко коснулась Танюшкиного виска, будто поправив прядку. «Нет, ничего, почудилось», – Танюшка мотнула головой.

Красавица. Абсолютно все матери видят своих дочек красавицами. Но Танюшка действительно была красавицей, принадлежала к отдельной породе людей. То есть у красавиц вот именно что всё не как у всех, причем непонятно, откуда они берутся, когда и мама, и папа – просто симпатичные люди, каковых вообще много. И сестры у Танюшки видные, конечно,

¹ Tuska (финск.) – боль.

девушки, светлоглазые, с русыми волосами и крепко сбитыми телами, как на картинах Дейнеки. А в Танюшке, во-первых, росту метр восемьдесят, коса как смоль, густая, ниже пояса, глаза жаркие, темные. Причем бабка у нее была финка-ингерманландка, из тех, кого на родину, в Ленинградскую область, из ссылки не пустили назад, вот семья и осела здесь на силикатном заводе. Подальше от людей, что ли, косо ведь тогда смотрели на тех, кто из ссылки вернулся. Мать по молодости, конечно, тоже была девушка интересная, иначе б какой инженер на нее глаз положил, простую формовщицу? Финны тоже бывают темноволосые и кареглазые, но не такой же редкой, изысканной красоты. Поговаривали даже, что мать Танюшку с цыганом нагуляла, поэтому де отец и сорвался в Пермь. Да разве было у матери время с цыганом гулять? На заводе восемь часов оттрубишь, а дома дети да хозяйство, куры, огород еще свой, картошка, лук, огурцы в теплице. Какой цыган, тьфу.

«Красавица моя», – накануне Седьмого ноября мать достала из шкафа бумажный сверток, крест-накрест перетянутый веревочкой. И вместе с легким душком нафталина из шкафа потянуло беспричинной радостью нового дня, скрашенного небольшой обновкой, которыми мать радовала Танюшку каждый праздник, приговаривая всякий раз: «Мне-то куда уже наряжаться». Танюшка уловила ее легкую улыбку, разбегавшуюся возле глаз «гусиными лапками», – мама теперь и улыбалась одними глазами, потому что во рту у нее недоставало зубов, и она этого стеснялась. Хотя рабочие на силикатном заводе почти сплошь были беззубые по наплевательскому отношению к себе. Да и вообще мало кто всерьез занимался тогда зубами...

«Красавица моя», – повторила мама, когда Танюшка развернула сверток и одними пальчиками подхватила невесомую паутинку белого пухового платочка. Ахнув, накинула на голову и тут же поспешила к зеркалу, завертелась перед ним так и эдак, любуясь собой. Только наглядевшись, сказала: «Спасибо» – и еще успела подумать, что платочек этот обрамляет ее лицо будто иней, и черные прядки на лбу так удачно выбиваются...

«Кому-то ты достанешься?» – вздохнула мама. И это означало, во-первых, что кто же тот счастливцев, кому придется отдать такую вот красоту. А во-вторых, что ни один распрекрасный муж не будет любить Танюшку так, как мама, а замуж выходить ей все-таки придется, чтобы все было как у людей. Главное, чтоб не продешевила. С такой красотой можно еще повыбирать. А, собственно, кроме красоты, женщине больше ничего и не нужно. Так все считали на силикатном заводе.

К праздникам на заводе давали продуктовые пакеты, в которых неизменно находились пачка индийского чая, банка майонеза, банка горошка, иногда докторская колбаса, ну и еще кое-что по мелочи. Можно было сделать тазик салата «Оливье», картошка и соленые огурцы в погребе не переводились, а если еще нарезать курицу, получится настоящий пир. Мама вообще готовила хорошо, но особенно ей удавались пироги с брусникой, на которые то и дело забегали Танюшкины подружки – и когда она еще в школе училась, и теперь, когда поступила в университет. Подружек поубавилось, правда. Лучшая подруга уехала учиться в Ленинград, зато парней вокруг вилося много, Настька еще своих друзей приводила. Она занималась в баскетбольной секции при заводе. Коротко стриженная, больше похожая на мальчишку, она и вела себя как пацан. Матом, правда, не ругалась, но отшить любого могла, да еще и в глаз двинуть, если что. Нравы на силикатном заводе царили грубые, парни церемониться с девками не привыкли, особенно если выпьют.

В спортивные секции при заводе ходили многие. Не только из интереса, но еще и потому, что там были душевые. А в частных строениях, прилепившихся к заводу, душевых не было, поэтому раз в неделю ходили в баню, но молодежь хотела мыться чаще. Танюшка записалась на баскетбол в девятом классе, только на втором же занятии тренер ее аккуратно взял под локоток и попросил задержаться после тренировки, чтобы кое-какие личные данные в журнал посещаемости занести. Танюшка его в зале ждала – как была в трусах и футболочке, а он, когда все разошлись, к ней подсел и тут же руку на голую коленку ей положил. «Ты, – говорит, –

красавица, в сборную хочешь попасть? В Ленинград на зональные соревнования поедем...» – «Да пошел ты!»

Училась она кое-как, едва вылезая из троек, потому что стоит ли тратить молодость на сидение над книжками, когда вокруг бурлит такая интересная пестрая жизнь. Нет, жить вообще было хорошо, даже в доме с печным отоплением. Вот так вернешься домой, скинешь в прихожей припорошенное снегом пальтишко, а в комнате печь дышит жаром, и слышно, как потрескивают поленья. Ближе к ночи слышимым оставался только один звук – как потихоньку поскрипывают проседавшие деревянные стены.

Дом был построен почти сразу после войны и в те времена считался добротным. Он и был сколочен на совесть, однако с годами просел, крыльцо покосилось. В нем была одна большая общая комната, в которой мама спала на диване, и две маленькие, поделенные между сестрами так, что старшая Катя жила отдельно, а Танюшка с Настей ютились вдвоем в одной комнате и спали на железных кроватях. Когда Катя вышла замуж, Танюшка переехала в ее комнату и как бы сменила социальный статус, оказавшись девушкой на выданье. Теперь была ее очередь. И даже по своей полудеревенской улице она ходила, гордо задрав подбородок, как бы неся себя вперед, показывая всему свету: смотрите, какая я. После школы ей прочили спортивную карьеру, однако мама настояла, чтобы Танюшка поступила в университет на отделение финского языка. Конкурс там небольшой, возьмут и с неважными оценками, главное – по-фински хоть немного соображать, а домашний набор слов у Танюшки с детства сохранился, хотя она давно упорно не желала говорить по-фински даже с родственниками. Зачем, мол, это?

– А затем, – объяснила мама. – Я вот сама мало чему училась. После семилетки сразу на завод пошла, чтобы свою копейку иметь, потом в вечерней школе доучивалась, стыдно было недоучкой ходить. Не знаю... Мы сейчас вроде не голодаем, и финнов в Сибирь больше не выселяют. А может, ты выучишься и сама в Финляндию уедешь, подальше от нашего социализма, прости господи. Мысли мне всякие приходят в последнее время. Так что давай-ка ты двигай в университет.

Танюшка удивилась, какую длинную речь произнесла мама. Обычно она обходилась несколькими словами, а больше просто вздыхала по любому поводу. Танюшка сама не знала, хочет ли она изучать финский язык и зачем он нужен вообще. Но с ее средним баллом в аттестате о среднем образовании, да и вообще с ее знаниями никуда было больше не поступить, это точно, кроме разве что кулинарного техникума или швейного училища, которое окончила Катя. Однако, насмотревшись на Катину семейную жизнь, – а вышла сестра за простого слесаря, – Танюшка уже подумывала о том, что надо бы срубить дерево покрепче. Хотя Катиному мужу как «афганцу» и выделили однокомнатную квартиру, радость новоселья была недолгой. Ну что? Приходит слесарь со смены домой, голодный и злой, и курит в туалете, пока жена ему ужин готовит. А на всякие разговоры у него уже и сил нет. Программу «Время» посмотрит – и спать, а завтра к восьми утра опять на завод. И Катьке тоже на смену, правда к девяти, в Дом мод. Белье стирает по выходным. Продукты покупает вообще неизвестно когда и как. В общем, Катька ей даже плакалась. И стоило ей за этого слесаря выходить? Ну разве что в белом платье сфотографироваться, а дальше – а что дальше-то?

Танюшка еще думала, правда ни с кем не делилась, что красивые люди рождаются для чего-то другого. То есть у них вся жизнь должна быть, как яркий праздник, даже если это простая семейная жизнь.

Как только объявили о приеме документов в университет, Танюшка рано утром, будто боясь опоздать, села на автобус и поехала в центр, где на проспекте Ленина возвышался настоящий храм науки. Широкая лестница в окружении зеленых лужаек, усаженных елочками, вела к парадному входу, и у Танюшки возникло странное чувство благоговения, но только на какую-то минуту. Гордо задрав подбородок, она прошествовала по этой лестнице, как шахматная королева, одетая по случаю жаркой погоды в белое платьице, и, едва появившись в аудитории,

занятой приемной комиссией, мгновенно притянула к себе взгляды строгих женщин, сидевших за столами с табличками «Филологический факультет», «Медицинский факультет», «Экономический факультет»... Ее еще кольнул яркий момент одиночества, как будто бы она осталась совершенно одна в этой аудитории, оглохшей и залитой ярким солнечным светом, а все мельтешение вокруг столов исчезло, растворилось в этом абсолютном свете. Так, собственно, и было. Абитуриенты и члены приемной комиссии смотрели только на нее, строгие тетki за столами, заваленными бумажными папками, даже прервали работу. Потом как будто кто-то включил звук и погасил яркий свет, суэта возобновилась, и Танюшка, отыскав необходимый стол, заполнила анкету и получила наставления, когда и куда прийти. Тетка в очках с пышными рыжими кудрями, внимательно изучив ее аттестат, еще покачала головой: «Средний балл у вас неважный. Однако будем надеяться...» – и она по-доброму улыбнулась, будто действительно надеясь, что такой редкостной красоты чудо поселится у них в университете.

Танюшка поступила. Впрочем, отсеяли только двух безнадежных абитуриентов из сельской местности, всех остальных финноязычных зачислили, причем большинство студентов первого курса отделения финского языка носили интересные «шпионские» фамилии типа Крейслер или Гюнтер, за которые в былые времена могли и посадить. И только Танюшка была просто Танюшкой Брусницыной – по отцу, и теперь ее обычная русская фамилия вкупе с яркой внешностью как раз вызывали подозрения: а что делает она среди белобрых сероглазых сокурсников?..

Училась она так же, как выполняла работу по дому: без особого удовольствия, однако и без чувства подавленности. Просто выполняла то-то и то, пыталась то-то и то-то запомнить, а когда и нет, некогда ей было в гуще новой студенческой жизни, наполненной не только лекциями и семинарами, но и субботними танцами в университетской общаге, а также по-прежнему – домашними делами, мелкой стиркой, уборкой и прочей помощью по хозяйству. С финским она вроде справлялась без особого труда, выезжая на домашних знаниях, однако только поначалу. Грамматики она не знала совершенно, и все эти названия падежей только вызывали смех. Бабушка вообще падежей не знала, а по-фински говорила бойко – это как?

Танюшка догадывалась, что пуховый платочек мама купила на деньги, вырученные от продажи яиц. К ней частенько заходили заводские за яйцами, и кто-то все-таки стукнул. В августе участковый проверял, говорил что-то про нетрудовые доходы. Да какие же доходы нетрудовые? Дерьмо за курами убирать – это что, отдых? Участковый оказался добрый дядька и хода делу не дал, только матери слегка пригрозил, чтобы она завязывала с торговлей. Яйца для трудящихся – в магазине. Не каждый день, конечно, и от инкубаторских кур, с бледно-желтыми желтками, но все же яйца. И всякий трудящийся в нашей стране может позволить себе эти магазинные яйца. А уж яйца от частной несущки – это, извините, деликатес.

В этом платочке Танюшка отправилась на демонстрацию, а едва вернувшись, тут же пошла за хлебом. Хотя мать, конечно, поварчивала, что платочек нарядный, оставила бы для случая. А за хлебом пройтись – разве не случай? Тем более что этот платочек так подходил к ее светло-серому пальтишку с песцовым воротником.

День одел голые деревья кисеей колючей изморози, снег падал медленно, лениво, резными хлопьями оседал на плечах, а воздух был ярок и отдавал почему-то свежими огурцами, Танюшка даже пожалела, что свежие огурцы придется еще ждать целую зиму, но тут же это сожаление перебили мысли о пирогах с брусничкой, которые мама ужестряпала. А вечером можно зайти к Маринке Саволайнен послушать на кассетнике «Аббу». Танюшке особенно нравилась песня «One way ticket», написанная на мелодию «Синий-синий иней», – в ней действительно чувствовался перестук колес поезда, призванного умчать ее далеко-далеко, но только когда-нибудь, не прямо сейчас. Сейчас нужно было купить хлеба и еще кое-чего по мелочи.

Над магазином возле самого завода тоже был натянут плакат «С праздником, дорогие рабочие!», а по случаю этого праздника в магазине как раз «выкинули» сыр, в результате чего

образовалась очередь. Танюшка встала в эту очередь, хотя на сыр денег у нее не хватало, но если взять только половину буханки и наскрести мелочи по карманам... Очередь состояла сплошь из кряжистых теток, различить которых в лицо мог только хороший знакомый. Баба Вера, туго запеленатая до пояса в серый пуховый плат, кое-где проеденный молью, вещала в пространство, обращаясь ни к кому: «На прошлой неделе обещали копченой колбасы подвести, дак... Я с семи утра дежурила, чтобы первой быть, дак сказали, что в леспромхоз всю колбасу свезли. А не жирно ли этим лесорубам, когда в ихнем сельпо и так спецснабжение. Даже финские польта дают. Все лучшее – лесорубам, а мы что ж, не люди?..» Тетки поддакивали ей, потряхивая головами в мохеровых шапках, долготерпение наложило на их лица странно одинаковый рисунок морщин у губ и возле глаз. Танюшка думала мимоходом, что уж у нее-то уголки губ никогда не стекут вниз, потому что она привыкла улыбаться каждой мелочи, потому что жить все равно радостно. Сыр «выкинули» на праздник – разве это плохо? Хорошо, конечно.

«Мне два килограмма», – в паузе произнес кто-то зычным, густым голосом возле прилавка. «Нет, полкилограмма! – мгновенно взорвалась очередь. – Не больше полкило в одни руки!» А баба Вера долго еще выдергивалась, что ходят тут всякие, которые из начальства, деньги, видно, девать некуда, а вся работа – штаны в кабинете просиживать...

Танюшку кто-то настойчиво толкал в бок, однако поначалу она не обращала внимания – в очереди всегда толкаются, однако этот кто-то тулился к ней все плотнее и наконец шепнул прямо в ухо: «Кильку в томате возьмем? Под водку хорошо идет...» Она узнала его голос и короткий смешок, мгновенно вызвавший легкую неприязнь. Бывает, что человек просто не нравится изначально, без определенной причины. Именно так Танюшке не нравился Гера Васильев, которого сравнивали с Челентано, хотя сходство было довольно условным. Он учился в речном училище, и сам этот факт придавал его облику определенный флер, каким-то образом навевая мысли о дальних странствиях, хотя выпускники в основном ходили мотокатами через озеро на «кометах» и «метеорах».

Гера грубовато обтер грудь, упакованной в дерматиновую куртку, Танюшкино плечо и сообщил, что сегодня в восемь собираются у Васьки Хромова.

– Кильку, говорю, возьмем?

– Ну так бери! – фыркнула Танюшка. – Я-то при чем?

– Ты, Танечка, там первая гостя. – Гера растекся в улыбке, обнажив редкие зубы.

– Не обещаю. У нас своя компания.

– А если мы к вам нагрянем на огонек?

– Как нагрянете, так и назад повернете, – отрезала Танюшка, не желая продолжать разговор.

Гера помолчал, потом почему-то сказал:

– Водка из-за афганской войны вверх поползла в цене.

Танюшка не ответила. Тогда Гера все-таки отвалил и, кажется, вообще вышел из магазина. Танюшка решила, что он просто хотел пристроиться к ней в очередь, и с облегчением вздохнула. Было душно от испарений мокрых пальто, полушубков и человеческого дыхания. Танюшка расстегнула пуговицы пальто и ослабила на шее платок. Гера. Еще прошлой весной он навязчиво и грубо пытался ухаживать за ней на танцах, если его нагловатые приставания вообще можно назвать ухаживанием. Он вызвался проводить ее до калитки, хотя в этом не было необходимости: вечера стояли светлые, и на улице никто не безобразил открыто, да и в каждом окошке были глаза, которые замечали, кто с кем шел в обнимку, кто шлялся навеселе.

Тогда, в мае, на выходе из заводского ДК Гера попытался ее обнять, почти облапать, но Танюшка вывернулась полушутя, а потом на протяжении всего пути от ДК к дому он то и дело хватал ее за руку, причем выше локтя, как бы случайно касаясь груди, невзначай прижимался бедром к ее бедру. Возле самой калитки он прижал ее к забору и проговорил чуть

ли не прямо в рот: «Будешь со мной гулять?». В голосе его сквозила почти угроза, однако Танюшка засмеялась и выскользнула из его лап, ловко нырнув в калитку. Да разве ей страшен Гера Васильев? Тоже мне, раскатал губу.

Потом он подкатывал к ней еще в июне, специально поджидал у калитки, а едва она появилась, тут же выдал со скорбно-решительным выражением на смуглой физиономии:

– Если меня осенью в Афган отправят, будешь ждать, Танька?

Она опять отмахнулась, что-то вроде: кто тебя такого в Афган возьмет? И ведь верно: поступил Гера в речное училище на моториста и пропал из виду на долгую осень.

– Полбуханки черного и двести граммов сыра. – Наконец подошла ее очередь. Пока продавщица отрезала ломоть сыра от желтого аппетитного круга, Танюшка смекнула, что хлеба все-таки берет мало, но сыру мама обрадуется точно, давно сыра не видели.

Выйдя из магазина, она еще опасливо оглянулась: нет ли Геры поблизости, потом перевела дух, успокоилась, и вот снова проклюнулась беспричинная радость, подумалось, что жить действительно хорошо, а когда-нибудь, очень скоро, непременно будет еще лучше. Она пересекла пустырь, отделявший завод от рабочей слободки, и остановилась на дороге, подставив лицо вялому снегу, который теперь сыпал с неба почти сплошной стеной. «Сегодня 7 ноября 1982 года», – почему-то произнесла про себя Танюшка. А это означало, что на днях ей исполнилось 18 лет и что все самое замечательное действительно еще впереди.

Ворона каркнула на суку – сыто, протяжно, возвестила два часа пополудни.

– Танька-а, – диссонансом резанул воздух голос Геры Васильева.

Он отделился от грязно-серой стены барака в начале улицы, которая дальше текла по направлению к автобусному кольцу.

– Танька, ты не поняла.

– Чего не поняла? – она почти крикнула в ответ через плотную стену снега.

– Я же не просто так зову тебя погулять. Да я, бля, тебя люблю! – он тоже почти выкрикнул признание и, быстро приблизившись, зажал ее в тиски объятий и пару раз ткнулся слюнявым ртом в ее мокрое от снега лицо.

– А я тебя не люблю! – она едва вырвалась и бросилась бежать без оглядки вперед, вот еще каких-то четыре дома... Тоже мне, красавец выискался, Челентано хренов. Небось в речном училище в моторах поднаторел, вот и вообразил себе...

Он настиг ее у самой калитки. Схватил сзади за плечо, дернув, развернул к себе:

– Ты чего думаешь, так просто от меня сбежать?

– Да уйди ты! Да разве можно вот так, силком? – Она ткнула авоськой ему в лицо.

– Все равно моя будешь! – он смачно сплюнул сквозь зубы.

«Накось выкуси», – Танюшка проглотила фразу, готовую сорваться с губ, и нырнула во двор, закрыв на щеколду спасительную калитку, которая, конечно, ни от кого не защищала, а только придавала уверенности: мол, я у себя дома.

Уже на пороге пахло стряпней. Домом. Мама наварила щей. Настя, по всей видимости, уже успела пообедать и увистала по каким-то своим делам – это была знакомая Настина отговорка, как будто только она одна и занималась чем-то важным.

Мама обрадовалась сыру и тут же припрятала лакомый кусок в холодильник для завтрака, потому что если нагрянут Катя со своим Костей, так зятю этот кусочек на один зубок.

Катя с Костей обещали прийти к обеду, однако уже смеркалось, а их не было видно. Танюшка в одиночестве похлебала щей, с волнением поглядывая на пироги, выставленные на большом столе и прикрытые полотенцем. Больше всего на свете она не любила ждать. Даже самую малость. Потому что вот так сидишь себе, ждешь неизвестно сколько, а тем временем где-то рядом успевают что-то случиться без тебя. Может быть, что-то совсем незначительное, но ведь из таких мелочей и ткется жизнь, собирается по капелькам, чтобы однажды хлынуть потоком. А что когда-нибудь хлынет, закипит вокруг шумная, обильная жизнь, Танюшка не

сомневалась. И нынешняя странная радость проистекала именно из ее будущего счастья. Оно уже проклевывалось явными приметам буквально на каждом шагу. Например, сегодня по дороге в магазин Танюшке навстречу попала соседка с полными ведрами...

Костю с Катей она разглядела в кухонное оконце. Они шли под ручку, пряча лица от снега, который к вечеру превратился в мелкую злую крошку. Танюшка бросилась в прихожую, действительно обрадовавшись сестре и просто гостям, без которых ощущение праздника уже казалось смазанным. Хотя что они, собственно, праздновали? Уж точно не Октябрьскую революцию.

На Кате оказалось обширное платье в крупную косую клетку, под которым обозначался уже приличный животик, и из-за этого она показалась слегка чужой. Танюшка даже постеснялась ее обнять по обыкновению. Вдруг это навредит ребенку? Из-за этого своего живота, даже не очень большого, Катя оказалась как бы в центре мира, и все вокруг, включая Костю, маму и Танюшку, крутилось вокруг нее, и разговоров за столом было только о том, кто родится – девочка или мальчик... Катя настаивала, что девочка, ее хотя бы можно нарядить, а мальчика что? Костя, опрокинув в рот первую рюмку, неудачно пошутил, что родишь девку – жди, она в подоле принесет. И все знали продолжение этой расхожей шутки, что лучше передатки носить девочке в роддом, чем парню в тюрьму, однако никто и не думал продолжать – может, из нежелания в чем-то Косте перечить, потому что он, как сказал врач, после Афгана переживал посттравматический синдром. А это означало, что после первой рюмки Костя чуть что лез на рожон, готовый биться с кем угодно до крови и дальше, если вовремя не разнять. Когда он вышел покурить, Катя посетовала, зачем же мама сразу ему налила. «А чего, мужик же!» – мама будто оправдывалась, привыкшая к тому, что водка мужику нужна, как машине бензин. Не зальешь – не поедет.

Костя вернулся, хряпнул еще рюмку водки, и из него полез мат. Правда драться он не пытался, напротив, обмяк, глаза подобрели, поголубели, и он устроился в уголке возле миски с огурцами, изредка отпуская какие-то реплики.

Танюшка никогда не спрашивала сестру, зачем надо было так рано выходить замуж чуть ли не за первого встречного. Хотя Катя однажды сама обмолвилась, что, мол, замуж позвал – я и пошла, потому что другим только б погулять, а этот вроде серьезно семью хотел, детей. Ну и Катя тоже хотела, чего непонятного. Муж есть муж. Он в паспорте записан чернилами, и государственная печать стоит... Катя давно говорила, что она с мужем не разведется, чтобы там ни случилось, и дети ее без отца расти не будут, вон как они с сестрами. Без отца – это по каждой мелочи к соседям бегать. Лыжные крепления приладить, лямку оторванную к ранцу пришить. Катя с Танюшкой помнили, как мама однажды пошла с этой оторванной лямкой к дяде Боре – вернулась растрепанная, растерянная, ранец в угол швырнула, а потом сама до ночи на кухне с этим ранцем сидела, шилом пальцы колола... Они ведь тогда все поняли, хотя маленькие были еще.

Сумерки сгустились за окном, почти непроглядные из-за снега, который сыпал непрерывно и монотонно. И так казалось, что этот снег уже не растает до самого лета, он незыблем, как праздник 7 ноября и как сама советская власть, обеспечившая народу скудное, но стабильное существование...

– Засиделись мы, – спохватилась Катя. Им же надо было еще успеть на автобус, который и по будням ходил довольно редко, а уж в праздник...

Костя не возражал. Он хотя и не был сильно пьян, однако впал в тупое безразличие и безропотно подчинялся жене.

Танюшка вызвалась проводить их до остановки, втайне все же опасаясь за сестру – устоит ли ее муж на ногах под натиском снега и колючего ветра. Пока мама нагружала Катины сумки банками и пирогами, Танюшка вышла во двор, слегка угорев от кухонного чада и рюмки крас-

ного вина, выпитого в честь праздника. Костя курил на крыльце – отрешенно, не желая начинать разговор.

Заметно похолодало. Фонарь мерцал над самой калиткой белым, немного большим светом. В его лучах снег обозначался ярким корпускулярным потоком. И этот поток по ту сторону забора разбивала черная коренастая фигура, нетвердо стоящая на ногах, в которой легко угадывался Гера Васильев. Увидев Геру, Танюшка невольно вскрикнула.

– Что такое? – Костя встрепенулся, отклеился от стены и вышел на свет.

Заметив во дворе некоторое движение, Гера, едва соединяя слова, промычал:

– Танька, иди сюда. Надо п-поговорить.

– Это чего, хахаль твой надрался? – хмыкнул Костя.

– Нет, какой там хахаль. Я... я его боюсь!

– Нашла кого бояться, – хмуро произнес Костя и двинулся к калитке решительно, как ходят на врага.

– Танька, да ты бя... Ты чё, с этим чмом гуляешь? – выдернулся Гера.

– Это кто тут чмо, – толкнув калитку, Костя возник рядом с Герой, и теперь два черных кряжистых силуэта встали друг против друга в мерцающем свете фонаря. – Повтори, чего ты там сказал, – прорычал Костя.

– А то и сказал, что Танька бя первой марки, – слепил Гера, – если с тобой гуляет.

– Чего-о? Да я герой Афгана, у меня медаль «За отвагу». А ты вообще кто такой?

– Жених ейный, п-понял? У нас свадьба сразу после Нового года.

– Да врет он все, – встряла Танюшка. – Нужен он мне, алкаш несчастный, хоть бы закусывал!

– Я ж тебя просил кильку купить, – жалобно, без прежней удали произнес Гера и сник, ссутулился, сделался будто ниже ростом.

– Вали отсюда уже, – почувствовав Герину слабину, Костя схватил его за грудки и почти поднял воздух. – Еще раз увижу поблизости...

Отвесив Гере пинка, Костя смачно сплюнул.

– Ты, Танюха, не стесняйся. У меня с гопниками разговор короткий.

Гера, шатаясь и схватившись за голову, как от удара, побрел восвояси, оставляя за собой извилистую тропу, которую тут же заметало снегом.

Когда Катя наконец появилась во дворе с огромной котомкой, доверху набитой вкусной домашней снедью, Геры уже не было видно за плотной стеной снега, а Костя почти протрезвел, вполне вменяемо сказал Кате, чтобы та не вздумала таскать такие сумки, совсем дура, что ли. Подхватил поклажу и уверенно зашагал вперед, увлекая за собой Катю с Танюшкой, которые вцепились друг в друга, дабы не потеряться в этой огромной круговерти снега, рождавшей странное ощущение, что их вот именно что закручивает, увлекает внутрь чего-то очень большого, как... что? Может быть, как сама Октябрьская революция, хотя это, конечно, и очень смешно.

Ночью ощутимо подморозило. Слышнее трещали стены старого дома, как это всегда случилось в сильные холода. А рано утром Танюшку разбудили крики с улицы. Какие-то люди отрывочно перекрикивались прямо возле дома, где-то в отдалении истошно вопила женщина. Выглянув в окно, Танюшка заметила Настю, которая уже стояла у забора в наброшенной на плечи курточке и с голой головой. Высунувшись в форточку, Танюшка ее окликнула, однако Настя отмахнулась, как будто занятая чем-то очень важным. И, хотя все ее занятия считались очень важными, Танюшка все-таки наскоро оделась и выскочила на улицу, потому что крики не унимались.

Настя встретила ее во дворе. Пряча нос в курточку, она взяла Танюшку за руку и, ни слова не говоря, отвела назад в дом. В прихожей, поскольку Настя не прерывала молчания, сосредоточенно глядя в пол, Танюшка не выдержала:

– Да что там случилось?

– Не шуми ты, – тихо ответила Настя. – Гера Васильев умер.

– Как это? – Танюшка даже не поняла, что такое говорит Настя.

– Утром возле магазина нашли. То ли по пьянке замерз, то ли...

– Что?

– Что тут у вас вчера случилось? – Настя пыталась говорить шепотом, чтобы не слышала мама.

– Ничего... Ну возле калитки стоял. Пьяный уже. А Костя его выпроводил. Я-то чем виновата, если гулять с ним не захотела?

– Вот и молчи в тряпочку, поняла! – погрозив Танюшке кулаком, Настя прошла на кухню.

Танюшка вернулась в свою комнату и, усевшись на кровать, принялась механически расчесывать волосы, заплела косу. Она никак не могла взять в толк, как это вообще Гера умер. И что же получается, теперь его нет? Как это нет? Ведь только вчера он был. Был! И может ли так быть, что она действительно виновата в его смерти? Уже только потому, что грубо ответила, посмеялась: закусывать, мол, нужно? «Кильку, говорю, возьмем» – перед глазами вырос Гера с редкозубой улыбкой. Господи, если б можно отмотать назад ленту времени, как катушку магнитофона, она бы купила Гере эту проклятую кильку вместо сыра, даже две банки...

На кухне хлопнула дверца холодильника. Наверняка Настя сейчас преспокойно кромсает на бутерброды сыр, ничуть не заморачиваясь по поводу Гериной смерти. Танюшка наконец встала с кровати, кое-как заправила постель, пытаясь отогнать мысль, что скрывает следы своего преступления. А преступление состояло в том, что она преспокойно спала – в то время как Гера замерзал на крыльце магазина. Что он чувствовал в свои последние минуты? Или вообще ничего не чувствовал, потому что был в стельку пьян и даже не понимал, что помирает?

Утерев сухие глаза, Танюшка пошла на кухню. Настя преспокойно уминала вчерашние пироги, шумно прихлебывая чай по привычке делать все наперекор. Мать сколько раз говорила ей, чтоб она не прихлебывала, нет, она нарочно...

– Ты чего смурная? – спросила Настя с легкой издевкой. – Или Геру жаль?

– Человек все-таки...

– От этого человека Верка Буркина на днях аборт делала, это как?

– Ну раньше надо было Верке соображать.

– Ты у нас одна такая умная, да? Дала бы Герке, жив бы остался.

– Да заткнись ты, Наська! – Танюшка в сердцах выскочила было из кухни, но тут же вернулась: – А мама где?

– За хлебом пошла. Жди – принесет новостей. Да не дуйся ты. Мне, может, Герку тоже немного жаль, только я виду не показываю по привычке.

– Это по какой такой привычке?

– У нас в баскетболе так: мячом двинут в лоб, а ты виду не подавай, терпи, оно само и пройдет.

Нет, как Настя могла так спокойно рассуждать про какой-то там баскетбол, когда... Впрочем, ее же не было дома, когда Гера стоял под фонарем. И что же теперь будет? Арестуют, повезут на допрос? Она представила, как к дому подъезжает машина с зарешеченным оконцем и ее выводят в наручниках на глазах у всей улицы...

Нудный голос радиоточки сделался до боли слышимым, вплелся в ткань размышлений. Танюшка пыталась зацепиться за «инициативы Леонида Ильича» и «поступательное движение», но не улавливала смысла слов.

Мать вернулась из магазина, как темная туча, молча прошла на кухню, выгрузила на стол батон и буханку. И уже по одному ее виду, по тому, как она обреченно смотрела, вернее, ни на кого смотрела, приклеив взгляд к выложенному на стол хлебу, Танюшка поняла, что дело совсем плохо и что она безусловно виновата. Она одна.

– Ой, дочка, – наконец выдохнула мама, тяжело опустившись на стул и наконец взглянув Танюшке в лицо. – В очереди только и разговоров, что это ты Геру загубила.

Танюшкино сердце сжалось и ухнуло куда-то вниз, в пропасть. Крепко зажмурившись, она потом быстро распахнула глаза в надежде, что все это только снится. Однако ничего не изменилось.

– Это чего вдруг она-то? – вступилась Настя. – И кто это так решил?

– Ну... все, – мать убежденно кивнула. – А если все так решили...

– То что? – Настя не отступала. – То это значит правда, так, что ли, по-вашему?

– Почему по-нашему? Я разве что говорю? – в голосе матери прорезались слезы. – Только не любят тебя здесь, Танюшка. А если уж люди не любят...

То есть как это ее не любят? Разве можно не любить ее – такую красивую, приветливую, честную? Она-то думала до сих пор, что ее любят абсолютно все.

– Вон, Герка ее любил, и что? – хмыкнула Настя, как бы подтвердив ее мысль.

– Ему же вчера еще Костя двинул, – добавила мама. – Я-то не знала, да рассказали.

– Это кто кому двинул? – Танюшка очнулась. – Костя просто пьянь со двора выпроводил. А что еще оставалось делать? Чаю предложить с пирогами?

– Так-то оно так... – мама немного успокоилась. – Ты, Танюшка, сегодня из дому не выходи. А если кто явится по твою душу, мы скажем, что к сестре поехала в город.

В полдень по телевизору начался фильм «Не могу сказать “Прощай”», который все уже видели в кино, но Танюшка решила посмотреть еще раз вместе с мамой, потому что ей очень нравился главный герой, которого играл Сергей Варчук. То есть ей нравился именно сам Сергей Варчук, а не тот парень, которого он играл. Парень был попросту сволочь, влюбился в какую-то размалеванную куклу с пережженными волосами, бросив девушку Лиду, так похожую на Настю. Сходство и мама заметила. В тот момент, когда Лида на грузовике обрызгала грязью свадебную процессию, у мамы покраснел нос и она даже всхлипнула. Танюшка тем временем думала, хорошо ли она поступает, что смотрит это кино, в то время как Гера лежит мертвый. Где? Дома или в морге? И если бы она купила вчера банку кильки, он бы сейчас тоже сидел и смотрел кино... И все-таки Танюшке очень нравился Сергей Варчук. Имя Сергей ей тоже нравилось. Настоящее мужское имя.

Мельком бросив взгляд в окно, Танюшка заметила во дворе высокого мужчину, который, с любопытством озираясь, направлялся к дому. Танюшка вскочила и, прихватив теплый клетчатый плед, метнулась в свою комнату, бросив маме на ходу: «К нам кто-то идет». Она слышала через дверь, как мать впустила человека в дом и некоторое время объяснялась на пороге, потом проводила в комнату, непрерывно оправдываясь: «Ну так что ж, ну так что ж...» Следовательно – Танюшка поняла, что это следователь, – что-то говорил по поводу проверки сообщения о преступлении. «Какого преступления?» – допытывалась мать, делая вид, что ей ничего не известно. «Да вот вчера гражданина Васильева мертвым нашли. Свидетели говорят, что у него вечером конфликт произошел с вашим родственником». Мать настаивала, что ничего такого не знает. Наконец в разговор встряла Настя, до сих пор тихо посиживавшая в своей комнате.

– Какой еще конфликт? Гера к нам пьяный ломился, вот Костя его и выставил.

– По голове бил? – спросил следователь.

– С чего вы взяли?

– Соседи видели, как Гера по улице шел и держался за голову. А вы, гражданочка, Татьяна Брусницына будете?

– Нет, я ее сестра Анастасия Брусницына.

Танюшка еще подивилась, как смело, даже дерзко Настя разговаривает со следователем. Просто Зоя Космодемьянская на допросе.

– А лет вам сколько? – следователь зашуршал бумагами и прокашлялся.

– Шестнадцать.

– Несовершеннолетняя, значит. Так вы сами видели, как Герман Васильев ломился к вам в нетрезвом состоянии?

– Нет, но мне рассказывали. Да это все видели, как он пьяный по улице шлялся. Он каждый праздник...

– И вы тоже этого не видели, Айно Осиповна? – следователь обратился к маме.

– Это... я...

– А где же еще одна ваша дочь, Татьяна Брусницына? – спросил следователь с таким напором, что Танюшка поняла, что он пришел исключительно за ней.

– Так она... – мама запнулась, неспособная врать даже в критической ситуации, и Танюшке стало очень стыдно за то, что она прячется, заставляя маму и Настю ее выгораживать.

Она робко вышла из комнаты, по-прежнему кутаясь в плед в попытке создать вокруг себя защитный слой. Взгляд у следователя был цепкий, испытующий и точно просвечивал всю ее даже сквозь этот плед.

– Что же вы, Татьяна Брусницына, от меня прячетесь?

– Я приболела немного, – все-таки соврала Танюшка. И ей тут же сделалось так неудобно за свое вранье, что она вспыхнула до корней волос, боясь даже и взглянуть на следователя.

Следователь спросил, что она может сказать по поводу инцидента у калитки прошлым вечером. Танюшка рассказала, как оно было, и что Костя Геру вовсе не бил, и что у Кости есть даже медаль «За отвагу» и вообще он контуженный. Пока она говорила, следователь что-то быстро писал на желтоватом листке. Потом, подняв глаза, спросил:

– У вас были отношения с Германом Васильевым?

– Нет, да вы что! Клеился он ко мне, ну так мало ли кто там клеится. Я не хотела никаких дел с ним иметь!

– Что же, он преследовал вас?

– Да просто пьяный он был вчера! С пьяным какой разговор?

– Понятно, – следователь произнес как-то полувслух, даже хохотнув. – А что это румянец у вас во все щеки? Жар?

– Говорю, простыла, – Танюшка смешалась.

– Еще несколько вопросов, – следователь опять уткнулся в бумаги. – Вы работаете? Учитесь?

– Учусь. В университете на первом курсе. Отделение финского языка.

– Понятно, – следователь опять стал что-то записывать.

– А что же теперь будет? – не выдержала Танюшка.

– Что будет? – следователь оторвал глаза от бумаги и очень внимательно посмотрел на Танюшку. – Будет судмедэкспертиза, а потом, как говорится, вскрытие покажет.

– Что... покажет? – От слова «вскрытие» Танюшке сделалось нехорошо и очень страшно.

– Действительную причину смерти Германа Васильева, – бесстрастно ответил следователь. – А вы пока подпишите вот здесь: «С моих слов записано верно».

– Зачем это?

– Затем, что я ничего не присочинил в ваших показаниях, – так же бесстрастно пояснил следователь.

– Подписывай, Танюха, не дури, – встряла Настя.

– Ладно, – Танюшка поставила свою подпись.

– Но вы же даже не прочли, – сказал следователь.

– А это ничего, мы вам верим, – мать ответила за Танюшку. – Вы человек уж больно симпатичный.

И только тут, переведя дух, Танюшка заметила, что следователь действительно очень симпатичный парень с яркими синими глазами и копной темных упругих кудрей. Такие кудри, наверное, хорошо наматывать на палец... Ой, да что же это! Он ведь следователь!..

– Если вспомните еще какие-то важные детали, сразу же мне звоните. Телефон я вам сейчас напишу...

Он оставил на столе листок с номером своего телефона и уже в прихожей, застегивая куртку, напоследок сказал:

– Я вам посоветую – уже не в рамках дознания – пока что меньше общаться с соседями.

Когда он ушел, Танюшка заглянула в листок, оставленный на столе. Там было написано крупным уверенным почерком: «Сергей Петрович Ветров», а ниже – пятизначный номер следственного отдела. Танюшка свернула листок вчетверо и на всякий случай спрятала в ящике письменного стола, за которым они с Настей попеременно делали домашние задания.

Танюшка сама понимала, что выходить из дому следует, только если приспичит. То есть сегодня не приспичит точно. Да и зачем ей вообще общаться с соседями? Поговорить по душам можно только с Маринкой Саволайнен. Во-первых, она не растреплет, а во-вторых, Маринка ей даже ближе, чем родные сестры. Они вместе ходили в школу, теперь – в университет. И вместе после занятий возвращались автобусом на свой силикатный завод...

Раннее утро 9 ноября было привычно темным и тихим. Хотя сегодня эта тишина настораживала, исполненная скрытой тревоги. Темные фигуры на конечной остановке покорно ждали автобуса, вглядываясь в дорогу, теряющуюся за спящими домами. Желтый фонарь, по старинке подвешенный на проволоке, раскачивался над остановкой, слегка дребезжа. Маринкина вязаная шапочка, яркая, как ягодка, мелькала маячком среди темных бесформенных силуэтов. Маринка! Танюшка прибилась к ней, желая раствориться, сделаться невидимой в подсвеченных сумерках. Однако все взгляды были привычно обращены к Танюшке – будто сотканной из иinea в приталенном светло-сером пальтишке и белом ажурном платочке. И теперь она читала в этих внимательных взглядах откровенное любопытство, осуждение и даже боязнь. Как же, погубила такого парня!

– Не обращай внимания, – шепнула Маринка, – уроды они все, поняла? И кто бы тебе что ни сказал, ты, главное, помни, что он – такой же урод, как Гера.

– Ага, – кивнула Танюшка.

Толстая тетка, плотно упакованная в искусственную леопардовую шубу, поднырнула сбоку и каркнула так, чтобы слышали все:

– Ишь, вырядилась, пигалица. Глаза-то бесстыжие...

– Вам какое дело!

– Смотри, доиграешься, – прошипела тетка, уже залезая в автобус и нагло расталкивая попутчиков.

– Ты только в группе не рассказывай никому, – Маринка шепнула Танюшке в самое ухо, когда они устроились в самом хвосте автобуса, прижатые к стеклу. – Полиция вряд ли доберется до универа, Гера же не у нас учился.

– Да хватит уже об этом. Я еду на занятия и больше ничего не хочу знать.

Танюшка в который раз подумала – как Маринка может жить с таким неинтересным круглым лицом, серыми волосами и глазками, похожими на оловянные пуговицы. Одевалась, правда, она необычно, сама вязала себя вещи по моделям журналов мод, но в остальном... Осенью она как-то быстро и нехорошо похудела, сразу стало заметно, что ноги у нее немного кривые...

– Ты сделала упражнения на внутренне-местные падежи? – спросила Маринка, чтобы поменять тему.

– Да где там сделала! – ответила Танюшка с досадой.

– Ладно, у меня спишешь, первой парой история КПСС. И зачем только нам знать, когда состоялся этот первый конгресс Третьего Интернационала?..

– А ты знаешь, что ли? – Танюшка хмыкнула.

– Представляешь, знаю! В Москве в 1920-м. Мне стоит один раз услышать...

– А ты слышала, что там люди говорят?

– О чем?

– Да о Гериной смерти, о чем же еще! Будто это Костя его ударил по голове...

И дальше вился этот разговор, не прояснивший ничего, но и бесконечно окунувший Танюшку с головой в прошедший день, в котором уже ничего нельзя было изменить.

Лекция по истории КПСС тянулась мучительно долго. Вел ее старый коммунист Черкесов с громовым голосом, мгновенно пресекавший всякое шевеление в аудитории. Танюшка не записывала и даже не делала вид, что записывает, просто сидела и тупо слушала раскаты густого голоса. Черкесов, четко печатая каждый шаг, расхаживал между рядами, и студенческие головы все ниже склонялись над тетрадками, будто в ожидании удара карающего топора. Вот интересно, он дома точно так же велит громовым голосом подать ему котлеты или свежую рубашку? – вскользь думала Танюшка. И жена тут же подчиняется? Тогда зачем вообще выходить замуж, если кто-то будет тобой командовать?

– А вам что, неинтересно? – грянул Черкесов, остановившись рядом с Танюшкой. Наверняка он заметил ее пустую тетрадь.

– Почему? Очень интересно, – Танюшка подняла на него глаза.

– Тогда сообщите мне, когда состоялся второй конгресс Третьего Интернационала.

– В Москве в 1920 году.

– Иди ты! – выскочило у Черкесова. – Фамилия как?

– Чья фамилия?

– Ваша фамилия как, спрашиваю!

– Брусницына.

– Зачет сдашь, Брусницына, – он отцовским жестом потрепал ее по плечу и двинулся дальше, печатая страстные шаги.

К концу второго часа голос Черкесова чуть осип и сам он подустал и примостился за кафедрой у окошка. Танюшка слушала вполуха о том, что ко времени провозглашения «эпохи развитого социализма» в Советском Союзе происходит становление нового типа личности с иной, чем прежде, иерархией ценностей. Потребности в автомобилях, дачах, модных вещах и украшениях, объективно возникающие в силу усложняющегося общественного производства, перехода от коммуналок к отдельным квартирам, просто не могут быть удовлетворены ни по масштабам средней зарплаты советского человека, ни по производственным возможностям советской экономики. Черкесов явно отошел от заявленной темы лекции, но Танюшку это мало интересовало. Она сидела и думала, что вот же идет себе лекция как идет, и никому нет до нее особенного дела. От нее никто ничего не требует, главное – тихо сидеть и не выдергиваться. Минут за пятнадцать до конца дверь в аудиторию приотворилась, и кто-то вызвал Черкесова в коридор. Первые ряды шепотком сообщили, что вроде бы это парторг, а он по ерунде дергать не станет. Черкесов исчез за дверью и вскоре прогремел в коридоре: «Что, прямо сейчас? А до конца лекции нельзя подождать?» Вернулся с крайне возмущенным лицом и коротко командовал:

– Брусницына? В партком с вещами!

Танюшка приросла к месту.

– Чего расселась? – рявкнул Черкесов. – Я выразился понятно: на выход в партком! Срочно!

Танюшка, кое-как запихав в сумку тетрадку, на негнущихся ногах зашагала к двери, чувствуя спиной горячие буравящие взгляды. Ей казалось, что всем про нее уже все известно, иначе бы они не обжигали ей спину. Уже на пороге она обернулась, громко произнесла «До свидания», как бы прощаясь навсегда, и уловила ответный отчаянный взгляд Маринки.

– Ленина законспектируй к следующему вторнику! – не зло погрозил ей вслед Черкесов.
– Ага!

Она вышла в пустой оглохший коридор, в котором ждал ее парторг университета в яркомалиновом кричащем галстуке, но затертом костюме. Они пошли в кабинет на втором этаже рядом с канцелярией. По дороге Танюшка думала, что коммунисты и должны, наверное, одеваться нарочито плохо, иначе какие же они коммунисты? Потом она подумала, а чего это она о такой ерунде думает, когда сейчас, вот-вот... Что? Ее исключат из комсомола? Или сразу из университета?..

Парторг, широко распахнув дверь парткома, жестом пропустил Танюшку вперед. Прямо перед собой на стене она увидела карандашный портрет Ленина с лучиками морщин возле добрых прищуренных глаз. А прямо под Лениным, перекладывая с места на место какие-то бумаги, сидел за столом следователь Сергей Петрович Ветров.

И это соседство явным образом намекало на то, что вот за столом сидит человек, который многого достиг, потому что с самого начала шел верным путем, который указал Владимир Ильич. А ты, Танюшка, куда направляешься?

Ее опять кинуло в жар.

Парторг, понимая кивнув Сергею Петровичу Ветрову, вышел и плотно затворил за собой дверь. Сергей Петрович указал Танюшке на стул. Но она продолжала стоять, решив выслушать приговор стоя, как и подобало гордым самостоятельным девушкам.

– Садитесь, что вы в самом деле, – настаивал Сергей Петрович. – А то мне даже неудобно с вами разговаривать.

Немного поколебавшись, Танюшка все-таки села.

– Я вам только хочу сообщить, – сказал следователь, глядя в стол, – что Герман Васильев умер от алкогольного отравления. Попросту говоря, пил не закусывая, отрубился на крыльце магазина, а к ночи подморозило. Вот, собственно, и все. Ни вы, ни ваш родственник не имеете к его смерти никакого отношения. Так что постарайтесь поскорее забыть эту историю. И впредь держитесь подальше от парней, которые злоупотребляют. Ну, сами понимаете...

– Так что... – спросила она тихо. – Вы меня вот так просто отпустите? И все?

Следователь рассмеялся.

– Я бы вас, Татьяна Брусницына, в других обстоятельствах никуда так просто не отпустил. Но я на службе. Так что ступайте учиться, двоек там поменьше хватайте. А если что – мой телефон у вас есть. Звоните, не стесняйтесь, район у вас криминальный...

Легко кивнув следователю на прощание, Танюшка вышла в коридор и тут только перевела дух. Неужели все? Разговорившийся за окнами день вспыхнул свежими красками. Еще один долгий-предолгий день, который у нее уже никто не отнимет.

Десятое ноября 1982 года начиналось, как любой другой день. Танюшка к восьми поехала на занятия, ничуть не заморачиваясь по тому поводу, что сегодня утром хоронят Геру. На пять часов были назначены поминки, на которые должно было прийти полпоселка. Ну и пусть. Танюшка с мамой спокойно пересидят эти поминки дома. Будет повод наконец-таки плотно позаниматься финским и подтянуть «хвосты», которые она успела за осень отрастить.

Автобус уверенно вез пассажиров вперед сквозь холод и тьму. Иногда во время утренних поездок в университет Танюшке приходило в голову, что вся большая страна точно так же едет куда-то вперед сквозь вечный холод, тьму, вопросы, где достать сапоги, где вообще все достать, включая простую еду. Черкесов верил, что рано или поздно грянет коммунизм. И все-таки

однажды обмолвился, что СССР действительно превосходит США по уровню производства угля, кокса, тракторов, цемента. Железной руды, к примеру, добывается в шесть раз больше, чем в США, но примерно во столько же меньше производилось предметов потребления. При этом по производству электроэнергии мы далеко позади Америки, а про всеобщий подъем культуры и говорить не стоит, достаточно зайти в любую деревенскую библиотеку с прогнившим полом, которую посещают одни пенсионеры и школьники. Рабочие книг не читают. Они так выкладываются на производстве, что уже не до книжек. Все тогда еще подумали, до чего же смело он говорит. И даже испугались, что кто-нибудь пойдет и стукнет даже не в партком, а...

Отделение финского языка и литературы держали под особым контролем из-за активного общения студентов с финнами, переводческая практика у них была – это во-первых, во-вторых, у многих были родственники в Финляндии, и во время летних каникул они эту самую Финляндию активно посещали, ели на завтрак мюсли с йогуртом, покупали в обычных магазинах кроссовки и джинсы, а также прочие штучки, о которых советские трудящиеся знали только понаслышке.

Танюшка за границей вообще никогда не бывала, поэтому жить ей было немного легче. Жить вообще легче, если не знаешь, что где-то есть совсем иная жизнь. С другой стороны, бывает и наоборот. Если ты знаешь, что жизнь может быть лучше, ты к ней стремишься, и твоя жизнь соответственно меняется... Впрочем, сейчас Танюшка просто ехала в автобусе и думала о том, что главное – пережить еще и этот день, а там все забудется, затеряется в потоке времени... На остановке «Университет» автобус выплюнул ее вкуче с остальными студентами, и тут же ледяной пронизывающий ветер проник под пальто, прихватил щеки. Спрятав нос в платок, Танюшка добежала до дверей и нырнула внутрь, в фойе, в котором жизнь, казалось, и не останавливалась со вчерашнего дня.

И так же гладко, четко, по расписанию, жизнь покатила вперед и на этот раз. В словах финского языка – *ke-* чередовалось с *lje-*, а *gke-* с *gje-* без малейших исключений из правила. Но вдруг на второй паре после пятиминутного перерыва преподаватель финского языка Эйла Энсиовна вернулась в аудиторию с каменным постаревшим лицом и произнесла изменившимся голосом:

– Ребята, объявляю минуту молчания. Почтим память Леонида Ильича.

Все поднялись ошарашенно, безропотно и молча. Молчали даже не потому, что им велели молчать, а просто по растерянности: что же теперь будет, когда такой человек, который вроде бы не имел права умирать, взял и умер. Конечно, никто всерьез не допускал мысли, что Брежнев бессмертен, но вместе с тем думалось так, что уж ему-то не дадут умереть, врачи у нас хорошие, кого угодно вытянут с того света. Потом Эйла Энсиовна разрешила всем сесть и продолжила занятие так, как будто не случилось ничего из ряда вон выходящего. Уже в гардеробе после третьей пары Танюшка услышала мельком: «Ну загнул старый маразматик – чего переживать-то?» Однако на улице было особенно тихо и даже сумрачно, несмотря на середину дня. Чистый холод обжигал ноздри, и странное чувство проникало внутрь вместе с ледяным воздухом: что-то явно сдвинулось в мире, что-то важное, но перед тем как эта глобальная перемена станет зримой, еще висит небольшая пауза. И будто бы все понимают это, но молчат, поглядывая друг на друга с выражением страха и сострадания.

Именно сострадание и страх парили сегодня в самом воздухе рабочей слободки. Танюшка ощутила их, едва выйдя из автобуса на кольцо. Ей чудилось слово «со-стра-да-ни-е» даже в скрипе свежего снега под ее растоптанными сапогами. Только слегка резануло равнодушие природы. В палисадниках деловито порхали дрозды, лакомясь ягодами калины, прихваченными морозом. Цепные псы яростно облаивали прохожих, выслуживаясь за миску похлебки, царственно взирали на мир с высоты черных крон нахохлившиеся шарообразные вороны. Она остановилась возле самой калитки и напоследок внимательно посмотрела на пустынную улицу, которая текла от автобусного кольца к заводской проходной. Обыденный

мир, в котором абсолютно все заняты насущными делами, поэтому никто по большому счету не обращает внимания на смерть, будь то смерть большого человека или маленького.

Калитка была распахнута настежь, и от нее к крыльцу вела свежая тропа, которую еще не замело снегом. Танюшка растерянно огляделась, но помощи искать было не у кого, да и мало кто заходил по какому делу. Она пересекла двор и поднялась на крыльцо. Под самой дверью оказалась почему-то рассыпана черная жирная земля, какая-то ветошь, обрывки тряпочек... Она опять огляделась. С черной кроны березы возле самого крыльца на нее с любопытством смотрела ворона, больше ни одной живой души поблизости не было. Танюшка цыкнула на ворону, та нехотя поднялась и перелетела на крышу, не переставая при этом картаво покривать.

Едва зайдя в дом, Танюшка взяла в прихожей совок и веник, смела с крыльца всю дрянь, попутно еще дивясь, кто же это мог такое устроить и зачем. Тряпочки она разглядела внимательней, это были обрывки ситцевых простыней в мелкий цветочек или какого-то еще белья, с узелками на концах, появившимися явно неслучайно. Кто-то намеренно вязал эти узелки – но зачем?

По радио передавали исключительно классическую музыку, которая только нагнетала траурное настроение и смутное чувство вины. Танюшка выключила радио, и отовсюду хлынула оглушительная невыносимая тишина. Похлебав щей, Танюшка взялась варить картошку, картошка всегда кстати, а заодно протопить плиту и чуть согреться, потому что в доме было странно холодно, как в склепе. Где-то около трех из школы вернулась Настя. Проглотив что-то на ходу, она, как всегда, собралась по каким-то своим делам и ушла, ничуть не озабоченная смертью Брежнева, да и поминками Геры. Когда наконец с работы вернулась мама, Танюшка первым делом рассказала ей про мусор, рассыпанный по крыльцу, и тряпочки с узелками на концах.

– Где? Где эти узелки? – побледнев, спросила мама.

– В ведро смела.

– Ой, Танюшка, надо было все сжечь! Порчу кто-то на тебя навел, на всех нас!

– Порчу? – Танюшка почти не испугалась, потому что не совсем поняла.

– Есть у нас мастера, бабушка еще рассказывала, не помнишь? – мама распахнула дверцу плиты, в которой еще тлели угли. – Давай сюда свои тряпочки, только руками не бери.

– А чем же?

– Вытряхни из ведра на совок и в печь! Наверняка с кладбища земли принесли, с Гериных похорон.

– А что же теперь будет? – спросила Танюшка с темным отчаянием.

– Сожжем все!

Заполучив совок с заколдованным мусором, мама подула на угли и сунула совок в печь. Потом, прикрыв чугунную дверцу, смела с пола просыпавшуюся земляную пыль и отправила следом в разгоравшееся пламя. Только плотно затворив огненную пасть плиты, она перевела дух. В печке пыхнуло, как будто там разорвался снаряд, заискрило – это было видно через конфорку, и тут же низко загудело в трубе, улетело с дымом в самое небо.

– Mam, что это было? – Танюшка не могла избавиться от гаденького липкого страха.

– Не бери в голову. Давай-ка лучше чаю с тобой попьем, я пряников принесла.

Старый чайник загудел на плите, и от этого стало хорошо и спокойно, как бывало только в зимние вечера. Мама ела пряники, макая их в чай, потому что уже не могла раскусить, и попутно ворчала, что пряники вовсе не такие свежие, как сказали в магазине. Утром, мол, привезли. Может, и привезли, да только они на базе недели две лежали... Танюшке было немного смешно: пряники есть, и ладно. Выбирать не из чего. В магазине только конфеты «дунькина радость» и вафли, набившие оскомину еще в детстве, их всегда на полдник давали в детском саду...

– Мама, а вот как ты думаешь, Брежнев умер – что теперь будет?

– А что там думать? Разве у нас что меняется? Квартиру нам все равно уже не дадут...

С улицы долетел высокий протяжный звук, похожий на дрожание струны, только более резкий и долгий. Потом звук прервался и раздались отрывистые пьяные возгласы, а потом опять этот страшный протяжный звук. Мама первая поняла, что это, и, накинув на плечи шерстяной платок, вышла в прихожую к дверям, велев Танюшке сидеть тихо и помалкивать. Осторожно выглянув в окно, заставленное геранями, Танюшка разглядела, что за калиткой по-собачьи воет в небо Герина мать, которую удерживают за руки двое парней. Захлебнувшись воем и снова набрав дыхания, она выплюнула в сторону их дома, желтого светящегося окошка, черное проклятье и снова зашлась в плаче, норовя вырваться из цепких мужских рук. Теперь Танюшка различала в ее вопле только слово «Змея-а!».

Заперев дверь изнутри на ключ, на второй, нижний замок, который запирали только на ночь, мама вернулась на кухню и зачем-то набросила ей на плечи свой платок, будто желая спрятать.

– Ничего, мне не холодно, мама, – Танюшка дернула плечом, желая освободиться от платка, а заодно и от лишней опеки.

– Ой, не будет тебе тут жизни, доченька, – запричитала мама.

– Что значит не будет жизни? Кто это мне жить не даст? Как будто на них управы нету.

– Кто же мою красавицу защитит от завидующих глаз? Красота не в радость дается, а в наказание...

«Ну, это мы еще посмотрим», – мысленно ответила Танюшка, но вслух говорить не стала. Помыкавшись еще с полчаса без дела, она вспомнила, что собиралась заняться финским, и ушла с тетрадками в свою комнату.

Настя вернулась домой позже обычного, просто очень поздно, минуты три еще провозившись на улице с нижним замком, в дом влетела злая: «Чего закрылись?». Потом, когда ей рассказали про мусор на крыльце и про то, как Герина мать выкрикивала проклятия, она вроде бы отмахнулась, но ближе к ночи, когда мама уснула на своем диване, пришла к Танюшке, залезла под одеяло.

– Слышь, Герины родители хотели подать в милицию заявление, будто бы это ты Геру до самоубийства довела, только заявление у них не приняли, вот они и решили...

– Ты-то откуда знаешь?

– Да все об этом только и говорят. На поминках много народу было, всякого наслушались. Но ты не бойся...

Они еще долго шептались о том, что бояться действительно нечего, потому что если какая бабка и попробовала навести порчу, то все равно же она умрет раньше их. Это только старики умирают или пьяницы типа Геры, а им пока что помирать не с руки, поэтому все остальное на этом фоне и вовсе какая-то ерунда.

Танюшка проснулась ни свет ни заря, оттого что в одной постели с сестрой стало тесно и душно спать. Еще не было шести, за окном царила полная мгла – видно, фонарь возле дома погас. Дом выстыл, нужно было растопить печь. Обычно этим занималась мама, но сегодня Танюшка проснулась первой и, едва опустив на пол босые ноги, ощутила ледяной холод, исходящий от половиц, который не перебивали даже тряпичные дорожки. Накинув на плечи платок, Танюшка устроилась возле печки. Открыв заслонку и сунув в черный зев печи щепы и газет для растопки, она чиркнула спичкой, и оранжевое пламя тут же весело заплясало внутри, отбрасывая отсвет на половицы. Она любила сидеть у огня. Печь с самого детства казалась ей живым существом, добрым, отзывчивым, дающим тепло в самый крутой мороз. Печка была почти как мама. Потом, когда Танюшка чуть подросла, она, конечно, забыла эти глупости, вдобавок ей самой приходилось колоть дрова, чтобы накормить ненасытное печкино чрево, но в этом тоже был странный, чуть фантастический оттенок. Деревья превращались в дрова, дрова

в печи превращались в золу, которая возвращалась в почву и снова питала корни деревьев. Так что смерть деревьев – это вовсе даже не страшно.

Однажды, конспектируя Энгельса, хотя делала она это крайне редко, Танюшка зацепилась за выражение «гераклитов огонь» – именно потому, что была хорошо знакома с огнем, который жил в печке. А гераклитов огонь означал то, что вот живет себе человек и не ощущает, что медленно тлеет, огонь времени постепенно пожирает его волосы, зубы, кожу... Она тогда над книгой даже поежилась, потому что представила, что гераклитов огонь уже тронул мамины руки, ее зубы и волосы. Каждый день мама ходит на силикатный завод, стоит в очереди за молоком и хлебом, стирает белье, стряпает пироги, не подозревая, что в то же самое время медленно горит. Неужели то же самое неизбежно случится с ней, Танюшкой? В косе сперва прoderнутся белые пряди, потом она поредет и превратится в мышинный хвостик, кожа станет морщинистой и дряблой, зубы повывпадают один за другим...

Настя встала, полусонная прошлепала к умывальнику, нехотя брызнула водой в глаза...

– Ты чего так рано? – спросила Танюшка. – Спала бы еще.

– Не спится. Всё мысли какие-то в голову лезут.

– Гони их прочь и назад в постель ступай. Тебе еще час валяться можно.

– Я тебе мешаю?

– Чего это ты мне мешаешь? Но я бы на твоём месте в такую рань ни за что не встала.

– А я бы на твоём месте... знаешь что?

– Что? – Танюшка насторожилась.

– Следователю бы этому позвонила. Ну Ветрову. Он же сам сказал: если что – звоните.

Танюшка хмыкнула. Что такого особенного можно рассказать следователю? Что порчу кто-то на них навел? Так ведь он наверняка будет смеяться.

Наварив на всех каши и позавтракав кое-как, Танюшка натянула серое пальтишко и немного повертелась у зеркала, поправляя на голове пушистый платочек, потом толкнула дверь и окунулась в едва подсвеченный сумрак раннего утра. Фонарь у забора перегорел, свет был только через три дома, и в этом тусклом мерцании Танюшка заметила, что на крыльце что-то лежит. То ли небольшой сверток, то ли просто куча тряпья. Ойкнув, она нырнула назад и тихо позвала: «Настя!»

– Ну чего там еще? – Настя вышла все еще заспанная, в сорочке.

– Фонарик дай, посвети мне.

– Боишься с лестницы загреметь? – Настя все же сходила на кухню за фонариком.

Танюшка, приоткрыв входную дверь, посветила на крыльцо. Яркий свет фонарика вырвал из сумерек окровавленное тельце черной курицы, которое валялось возле самых ступенек с клювом, приоткрытым будто в последнем крике.

Тогда Танюшка сама закричала в голос. Соседи потом рассказывали, что этот крик переполошил людей в доме даже на той стороне улицы. Мама выскочила с испуганным побелевшим лицом, увидев курицу, запричитала, потом расплакалась. Настя опомнилась первой. Велев, чтобы никто ничего не трогал, она побежала к автомату звонить в милицию. Потом, когда прошло уже минут пять, Танюшка сообразила, что вряд ли милиция выедет на убийство курицы. Так примерно Настя и сообщила по возвращении, что ей посоветовали написать заявление о причинении материального ущерба или что-то в этом роде. Чуть успокоившись, мама обещала закопать несчастную курицу за сараем, вдруг она отравлена, а пока, приподняв за лапу, выкинула с крыльца в снег.

На первую пару Танюшка, естественно, опоздала, но объяснять истинную причину опоздания не стала, просто сказала, что не влезла в автобус. «Надо выходить из дому чуть раньше», – это было привычное замечание преподавателя, но знала бы Эйла Энсиовна, что Танюшке пришлось пережить самым ранним утром! Она все-таки сунула в карман листок с номером телефона следователя Ветрова, потому что со всем этим колдовством надо же было

что-то делать. Управу какую-то найти. А кому еще жаловаться, как не следователю. Где-то около полудня Танюшка наконец решилась и, накормив «двушкой» автомат в вестибюле университета, с замиранием сердца набрала заветный номер. Трубку долго не брали. Гудки звучали тоскливо и бесперспективно, наконец на том конце кто-то торопливо ответил «Да».

– Можно ли следователя Ветрова? С-сергея Петровича, – Танюшка сама не понимала, почему вдруг так разволновалась. В конце концов, он же сам просил: если что – звонить.

– Да, слушаю, – коротко и деловито ответил Ветров.

– Сергей Петрович? Здравствуйте. Это Татьяна Брусницына...

– Брусницына... Брусницына... А, это с силикатного завода Брусницына?

– Да. С силикатного. Сергей Петрович, я по такому делу звоню... – она все не знала, как подступиться с самого главного.

– Слушаю. Говорите!

– В общем... сегодня утром у нас убили курицу, я ее на крыльце нашла с перерезанным горлом...

– Так это... – следователь слегка растерялся. – К участковому обратитесь с заявлением о причинении материального ущерба.

– Нет, дело вовсе не в том, что убили курицу. Это как бы угроза, понимаете. А вчера еще земли с кладбища на крыльцо накидали и всяких тряпочек... Ой, я, наверное, плохо все объясняю.

– Вот что, Татьяна Брусницына, – Ветров ответил странно веселым голосом, – вы спокойно поезжайте домой, а вечером я к вам загляну на огонек. Так сказать, осмотреть место преступления.

– А... вы адрес помните?

– Он в деле Васильева значится, – деловито заключил Ветров и, не попрощавшись, повесил трубку.

Танюшка намеревалась что-то еще досказать, но, услышав гудки отбоя, пожалела, что вообще позвонила Ветрову. Что он мог про нее подумать? Курицу убили – подумаешь, курицу убили. Она надеялась, что следователь передумает и не придет к ним вечером на это самое «место преступления», но вместе с тем хотела бы, чтобы он все-таки пришел. Потому что Ветров принадлежал сложному и немного пугающему миру взрослых мужчин, которые умели решать сложные вопросы. Танюшка выросла среди женщин, и все вопросы, которые решались в их семье, в основном крутились вокруг того, что сегодня приготовить на обед и во что одеться. То есть вокруг житейских сложностей, которые каким-то образом все-таки преодолевались, и не случалось так, чтобы было вообще нечего есть и не во что одеться. Даже на выпускной Танюшке справили белое платье, Катя, конечно, сшила, из отреза, который лет пятнадцать у мамы в чемодане лежал... «Господи, о чем это я», – одернула себя Танюшка.

Остаток дня быстро свернулся. Уже после четвертой пары вечер зажег окошки, за которыми параллельно друг другу протекало множество чужих жизней. До недавнего времени Танюшке казалось, что за желтыми окнами сокрыта веселая, яркая жизнь. Теперь ей чудился в каждом окне чей-то недобрый взгляд или еще что-то изначально злое. Зло таилось в темных закоулках, на задних дворах, в каждом закутке, готовое рыкнуть и сорваться с цепи. Возле самого дома ей стало по-настоящему страшно. Стараясь не глядеть по сторонам, чтобы случайно не зацепить глазом это непонятное, неоформленное зло, она добежала до калитки и нырнула во двор, суетливо оглядываясь. Дом дышал спокойствием, но Танюшке все равно чудился в этом спокойствии какой-то подвох. Не могли же ее так просто оставить в покое.

До прихода следователя Ветрова оставалось еще неопределенно долгое время. От легкого волнения и невозможности заняться чем-то серьезным Танюшка решила заново перемыть всю посуду с содой, надраить закопченные кастрюли. Печка весело гудела, дышала теплом. И от ее жаркого томления в голове родились легкие мысли, что, может быть, все не так уж и

страшно, что Танюшка сама хозяйка своей жизни... Расправившись с посудой, она расплела и заново заплела косу, чтобы выглядеть аккуратнее, потом решила нарисовать ногти, просто так, для себя, а вовсе не для следователя Ветрова. Еще она сменила халат на синий трикотажный костюм, который остался от прошлогодних занятий спортом и был ей чрезвычайно к лицу.

Мать, вернувшись с работы, конечно, спросила: «Чего это ты так вырядилась? Ждешь кого?» Танюшка с досадой призналась, что ждет следователя, она втайне надеялась, что Ветров успеет зайти раньше мамы. Устроившись у телевизора, она делала вид, что ей интересны новости, а сама чутко ловила всякий звук, долетавший с улицы. Потом, когда мама вышла с фонарем в курятник, проверить, все ли обитатели живы, она прилипла к окну, но дорога была пуста, и пейзаж, застывший в оконной раме, больше напоминал картинку из букваря. Наконец в отдалении затарахтела машина. Ярко-оранжевые «Жигули» остановились у забора, из них вышел следователь Ветров. Спихватившись, она отпрянула от окошка и стала ждать, когда же Ветров постучит в дверь. Секунды тянулись мучительно вязко. Наконец с улицы донеслись голоса – это Ветров встретил во дворе маму, и оба они, странно веселые, ввалились в прихожую, дыша свежим холодом и немного одеколоном. Только не советским одеколоном «Саша», который Танюшка терпеть не могла, а более тонким, с нотками лимона и мяты.

– Что ж ты, Татьяна Брусницына, такую панику устроила? – снимая и отряхивая от снега шапку, сказал Ветров.

– Ну испугалась девочка, чего тут непонятного? – мама приняла у него куртку и повесила на крючок. – Я и сама испугалась. С утра такие страсти, кто ж это выдержит? А вы ботинки не снимайте, в них ходите.

Следователь оказался в синем свитере с белыми узорами, шикарном, как камзол королевича. Танюшка догадалась, что он успел заехать домой переодеться.

– А я вам тут, кстати, гостинец привез, – Ветров, как фокусник, выудил откуда-то упитанную тушку курицы, красиво упакованную в целлофан. – Это взамен вашей покойницы.

Мать ахнула, всплеснула руками, подхватила курицу, даже забыв поблагодарить, и уточкой прошлепала на кухню ставить чайник. Танюшка тем временем, приняв полуравнодушный вид, устроилась в комнате на диване, поджав под себя ноги. Ветров прошел в комнату, которая тут же сбежалась в размерах, сделалась маленькой и убогой – был он почти до потолка, по крайней мере о люстру стукнулся макушкой и поспешил устроиться за столом, будто стесняясь своих габаритов.

– Ну, рассказывай, Татьяна Брусницына, что там с тобой приключилось.

– Да я почти все уже рассказала. Вчера вечером нам на крыльцо кладбищенской земли подкинули и каких-то заколдованных узелков. Мама сказала, что это порчу на меня Васильевы навели, и сразу все в печке сожгла, а утром наша курица на крыльце лежала с перерезанным горлом.

– Курица – уже факт. И что вы с этой курицей сделали?

– Мама за сараем закопала, кажется.

– Ну, при необходимости эксгумируем. Устные угрозы были?

– Д-да, были. Сразу после поминок Герина мать за калиткой проклятия кричала.

– Какие именно?

– Я точно не слышала. Я дома была. Что-то вроде «змея» и «жизни тебе не будет». И порча – это тоже они.

Ветров едва заметно улыбнулся.

– Вот ты, Татьяна Брусницына, комсомолка, в университете учишься, а сама веришь в какую-то порчу. И не стыдно тебе?

– Страшно просто, когда кто-то тебе зла желает.

– Ну, врагов хватает у всех, без них не проживешь. А насчет курицы вы все-таки участковому заявление напишите. Пусть оно у него лежит.

Потом он пил чай с пряниками и смородиновым вареньем. Танюшка уже почти откровенно разглядывала его, соображая, кого же он ей напоминает. Джека Лондона? Очень даже может быть. Тот же мужественный подбородок и открытый взгляд. Она почти все время молчала из опасения сказать какую-нибудь глупость. А он рассказывал, что служил в Заполярье и что в тамошних людях есть какая-то кристальная чистота, неиспорченность, что ли.

– Ну так зарплаты там хорошие, – встряла мама. – Вот и хитрить никакой причины...

Танюшка поморщилась, но Ветров только по-доброму улыбнулся и, улучив момент, когда мама вышла на кухню... Танюшка потом сообразила, что она, может, даже намеренно вышла... И так, улучив момент, Ветров быстро произнес:

– Вот что, Татьяна Брусницына, телефона у тебя нет, звонить мне некуда, так что я тебе сразу свидание назначу. Завтра в шесть на кольцо стой, на остановке, я за тобой приеду. Поняла?

Танюшка кивнула, как-то еще не совсем веря в случившееся.

– И главное, никого и ничего не бойся. Кто тут тебе навредит, такой красавице?

Она опять вспыхнула. И когда он ушел, наскоро простившись, только и думала: неужели это наконец случилось? Щелкнуло, срослось? То самое, о чем говорила мама: что когда оно произойдет, то про все остальное и думать забудешь. Потому что сразу будет понятно, что это – оно.

1983

– ...и еще «Андроповки» по 4–70 бутылок двадцать, это 94 рубля...

Настя за кухонным столом скрупулезно подсчитывала расходы на свадьбу, хотя Сергей просил их не заморачиваться, он оплатит все сам – и ресторан, и «Волгу», украшенную лентами.

– Да что же по-евонному, мы нищоброды какие? Подумаешь, сын прокурора республики, – мама вынула изо рта булавку, чтобы досказать начатое. – У нас зато яйца свои и картошка. А на водку у меня кой-какие сбережения имеются. Чай, я тоже трудящаяся, свою копейку заработать могу...

Вперемешку с ворчней мама то и дело причитала: «Ой, доченька, красавица ты моя...», и Танюшке от этих возгласов было смешно и больно одновременно. Она стояла возле большого зеркала в прихожей, а мама подгоняла ей по фигуре свадебное платье, которое Сергей купил в салоне для новобрачных. Платье оказалось чуть широко в талии, пришлось убавлять... Нацепив на нос очки, мама тыкала булавками невпопад – слезы застили ей глаза.

Танюшка понимала, что оставляет маму почти одну. Настя не в счет: через год ведь школу окончит и усвистит куда-нибудь, это точно. Конечно, Танюшка будет маму навещать по праздникам и воскресеньям, мама сама к Ветровым не поедет – побывала однажды.

Танюшку неприятно, булавочкой, кольнуло воспоминание о том вечере в самом конце весны, когда у них с Сергеем все было вроде бы уже решено. Сергей заехал за ними в субботу, а мама никак не могла собраться, от волнения путаясь в своих вещах, все искала брошку с черным камешком, чтобы приколоть на кримпленовый костюм. А без брошки ехать она категорически отказывалась, потому что без брошки получалось уж совсем некрасиво, костюм-то не новый, Танюшка в пионеры вступала, когда его купили... Танюшку опять, уже в который раз, резануло при взгляде на мамины морщинистые руки с коротко стриженными ногтями, не знавшие маникюра. Еще мама очень неуклюже садилась в машину со своей котомкой, в которой находились банка с огурцами и банка с протертой брусникой – нельзя же с пустыми руками ехать к будущим родственникам.

Танюшка уже успела понять, что барышня она не совсем та, которую ждали. Хотя жена из пролетариев была для карьеры полезна, она случайно подслушала, как отец мимоходом бро-

сил Сергею: «С пролетарской женой можно и первым секретарем стать». Танюшка только не поняла, это он с иронией сказал или серьезно. Вообще, ей даже стало немного неудобно под острым изучающим взглядом главного прокурора республики Петра Андреевича Ветрова, но так, наверное, и должен смотреть прокурор. Он же обвинитель. А в чем Танюшку можно обвинить? В том, что влюбилась в Сергея Ветрова? А кто бы перед ним устоял?

Все вспыхнуло очень быстро, с той самой встречи на автобусном кольце, на которую Танюшка пришла минут на двадцать пораньше, причем еще в осенних сапожках на каблуках, потому что зимние почти развалились, успела замерзнуть так, что губы посинели, к тому же Сергей уже немного опаздывал, и она решила потерпеть холод от силы еще пять минут, а потом потихоньку отправиться домой. Может, на службе задержался человек. Захочет – всегда дома ее найдет. Автобус ушел в город, за ним отчалил второй, уже какой-то парниша с красными от мороза ушами, торчащими из-под заячьей ушанки, подкатывал к ней: «Девушка, а вы случайно не меня ждете?» – «Не тебя. Отвали!» – «А чё сразу так грубо?..»

Но вот наконец из-за поворота вынырнули оранжевые «Жигули». На кольце Сергей развернулся весело и резко, так, что в воздух взлетел веер снежных колючих брызг. Потом, тормознув на остановке, вышел из машины и поспешил к ней, приобнял за плечи:

– Замерзла? Виноват, на переезде долго стоял...

Она ощутила на щеке его теплое дыхание и именно в этот момент поняла, что окончательно пропала. Она едва сдержалась, чтобы не прильнуть к нему, закрыв глаза, ткнуться носом в меховой воротник его куртки, пахнувший одеколоном с нотками лимона и мяты.

– Полезай в машину скорей, там тепло...

– С-сергей Петрович, – только и смогла вымолвить она.

– Да какой я тебе Петрович? Просто Сергей. Серега – если хочешь.

Он усадил ее в машину, и пока они ехали – Танюшка сама толком не понимала куда – ноги ее и руки постепенно отходили, оттаивали, наливаясь жизненным теплом. Потом было какое-то кафе – за поднявшейся метелью Танюшка довольно смутно поняла, где именно они остановились. Да и вообще все вокруг было как в белом волшебном сне, из которого так не хочется выныривать в действительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.